

Суд над «призраками»

Пьеса-репортаж для заочного суда в трех действиях

Фото: Илья Московец / URA.RU / ТАСС

11:11, 18 декабря 2025,

Зоя Светова

обозреватель «Новой»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Борис Акунин*, Дмитрий Глуховский*, Юрий Дудь*, Анна Монгайт*, Дмитрий Колезев*, Илья Красильщик, Яна Троянова*, Татьяна Лазарева*, Марк Фейгин*, Максим Кац*, Леонид Гозман *, Илья Яшин*, Сергей Давидис — это только несколько имен российских граждан — журналистов, писателей, артистов, общественных деятелей, которые за последние годы были приговорены к реальным срокам наказания заочно.

Против восьми журналистов телеканала «Дождь» возбуждены заочные уголовные дела по разным составам.**

В 2026 году начнутся суды над заочно арестованными в 2025 году.

Заочные процессы, то есть суды без обвиняемых, существовали еще в Советском Союзе, и из советского УПК возможность проведения процессов в отсутствие подсудимого по преступлениям небольшой и средней тяжести (если он ходатайствует о рассмотрении данного уголовного дела в его отсутствие), перекочевала в российский УПК.

Без обвиняемого

В июле 2006 года под флагом борьбы с терроризмом Госдума приняла поправки к статье 247 УПК РФ «Участие подсудимого», и в ней появилась пятая часть. Теперь «в исключительных случаях по тяжким и особо тяжким преступлениям уголовное дело может рассматриваться без подсудимого, если он находится за пределами территории Российской Федерации и (или) уклоняется от явки в суд и, если это лицо не было привлечено к ответственности на территории другого государства по данному уголовному делу».

Вплоть до апреля 2025 года в российских судах в заочном

порядке рассматривалось около 500 процессов в год. Резонансные уголовные дела касались в основном обвинений в мошенничестве, но, как правило, имели политическую подоплеку. Подобные дела возбуждали против бизнесменов, предпринимателей и политиков. Самые известные из них — дела в отношении Бориса Березовского, Владимира Гусинского, Михаила Ходорковского* (третье уголовное дело), Леонида Невзлина, Ильи Пономарева*, Игоря Коломойского, Уильяма Браудера, Сергея Пугачева.

8 апреля 2025 года Госдума приняла закон о заочных судах для лиц, совершивших преступления против России и находящихся за рубежом, по 20 видам преступлений: «несоблюдение закона об иностранных агентах», «оправдание терроризма», «реабилитация нацизма» и других.

Правозащитники сообщают, что

за восемь месяцев этого года число заочных процессов сильно возросло. Мировые суды почти в режиме «конвейера» стали рассматривать уголовные дела против «иноагентов».

Юрист Галина Арапова* говорит, что «уголовные дела в этом году касаются каждого четвертого «иноагента», плюс многим добавляют еще 207.3 («фейки о российской армии»)».

Счет пока идет на десятки, скоро пойдет на сотни дел в год.

Олег Орлов* и адвокат Катерина Тертухина во время заседания суда. Фото: Иван Водопоьянов / Коммерсантъ

К обвиняемым приходят с обысками по месту их регистрации и в квартиры к их родным. О возбуждении уголовных дел они узнают из сообщений прессы, когда их объявляют сначала в федеральный, а потом и в международный розыск.

«По таким делам следствие и суд придают большое значение процессуальным гарантиям, — объясняет адвокат Катерина Тертухина. — Обязательно должен быть защитник. Поэтому следователи очень радуются, когда мы с ними связываемся. Иначе им приходится вызывать адвокатов по назначению. Следователи выдают нам постановление о возбуждении уголовного дела, приглашают на заседание суда по избранию меры пресечения и на суды по существу».

На этих судебных процессах пустуют клетки

для подсудимых (как правило, такие заседания проходят в маленьких залах, где нет «аквариумов»).

Журналисты на такие суды почти не ходят, не бывает там и родственников заочных подсудимых, да и просто сочувствующих. Обычно граждане ходят на судебные процессы, чтобы лично поддержать фигурантов дела, но это не тот случай. Кроме того, в последние годы российское правосудие полностью утратило интригу, стало слишком предсказуемым. Если раньше было интересно наблюдать в суде за состязанием гособвинителя и защитника, и можно было надеяться, что судьи будут придерживаться закона, и не всегда было сразу понятно, чем же закончится дело, то теперь единственное, чему можно удивляться, так это все возрастающим почти до максимума срокам наказания.

Михаил Ходорковский. Фото: Алексей Витвицкий / Коммерсантъ

Обвинительный уклон, возведенный в абсолют

Между тем заочное судопроизводство — это суд, в котором обвинительный уклон доведен практически до абсолюта. Правда, адвокату Сергею Купрейченко, автору монографии «Заочный уголовный процесс», удалось обнаружить два оправдательных приговора, оба были вынесены по вердиктам присяжных. В одном из них речь идет о групповом процессе по бандитизму, где присяжные оправдали всех участников преступления, включая и одного из отсутствующих.

Конечно, без подсудимого судебный процесс кажется формальностью. Когда вслушиваешься в обвинительное заключение, зачитанное прокурором, видишь свидетелей (как правило, это понятые или бдительно недовольные деятельностью невидимых подсудимых граждане), приглашенных на суд, слушаешь короткие, часто слишком формальные речи адвокатов, понимаешь, насколько суд без обвиняемого, по сути, пародия на само правосудие.

Если в самом начале заочных политических процессов в 2023–2024 годах подсудимые передавали адвокатам свои выступления в прениях или «последние слова» для оглашения, желая использовать суд как трибуну, то со временем желающих дистанционно «высказаться» в суде становится все меньше. Пародия пародией, но сроки — настоящие: пять, восемь, одиннадцать лет лишения свободы.

Возрастающая статистика заочных процессов по политическим статьям говорит о состоянии правосудия в России, о его окончательном перерождении.

Мы имеем дело с судебной институцией, в которой априори невозможны оправдательные

приговоры, потому что ее целью является не поиск истины по делу, не поиск справедливого решения, а наказание и в какой-то степени месть за несогласие, месть за иное мнение, месть за инакомыслие.

«Конечно, для прокуроров и для судей эти процессы намного легче, потому что нет серьезно возражающего оппонента в виде подсудимого, который жалуется, топает ногами и заявляет ходатайства, заболевает, и из-за этого надо откладывать заседания. Они судят фантом, но все внешние вещи соблюдаются», — отмечает особенности этого судопроизводства адвокат Константин Ривкин.

Зачем заочно обвиняемые заключают соглашения с адвокатами? Заменяет ли защитник в таком процессе своего доверителя?

«Я не заменяю обвиняемого. Я защищаю его интересы, я также могу заявлять ходатайства, точно так же могу приобщать документы. Когда у меня есть позиция моего доверителя в отношении обвинения, то я полностью ее отстаиваю в суде», — говорит адвокат Катерина Тертухина.

Я отправилась по московским судам, чтобы посмотреть на эти кафкианские заседания и попробовать понять: зачем это все?

«Моя подзащитная не скрывается от следствия»

- 24 ноября 2025 года. Черемушкинский районный суд Москвы
- Заседание о заочном аресте Лученко* Ксении Валерьевны
- Судья: Артем Веретенников

В начале заседания следователь Насиров зачитывает ходатайство с просьбой взять под стражу журналистку Ксению Лученко*, место нахождения которой не установлено, она объявлена в федеральный и международный розыск. Известно только, что 7 апреля 2022 года Лученко покинула территорию Российской Федерации.

Ксения Лученко. Фото: Александр Щербак / ТАСС

Из ходатайства следователя: «29 сентября 2025 года было возбуждено уголовное дело по статье ч. 2 ст. 207. 3 УК РФ о «военных фейках» в отношении журналистки Ксении Лученко. Ее пост был опубликован 8 июля 2024 года в телеграм-канале «Православие и зомби» и на сайте «Эхо Москвы»**. Согласно обвинению, Лученко, будучи не согласна с проводимой Российской Федерацией внешней и внутренней политикой и действующей властью, достоверно зная о проводимой с 24 февраля 2022 года в Российской Федерации СВО в целях защиты интересов Российской Федерации на территории Донецкой и

Луганской народных республик, находясь в неизвестном месте за пределами РФ, руководствуясь мотивом политической ненависти, разместила с помощью неустановленных средств в сети Интернет, осознавая общественную опасность и противоправность своих действий, материал о причастности вооруженных сил РФ (...).

Следствием было получено лингвистическое заключение, которое обнаружило в посте журналистки информацию, где «действия ВС РФ охарактеризованы как насильственные, связанные с гибелью людей, в том числе несовершеннолетних лиц, а также с разрушением гражданской инфраструктуры». Согласно официальной позиции Министерства иностранных дел РФ, вышеуказанная информация, размещенная в сети Интернет и сообщенная Лученко, не соответствует действительности».

В ходатайстве следователя подчеркивается, что установить местонахождение Лученко не представляется возможным. «Поскольку совершено тяжкое преступление, — продолжает следователь, — имеющее общественную опасность, за которое уголовным законом предусмотрено наказание свыше трех лет, а Лученко* скрылась от следствия, значит, она может уничтожить доказательства и повлиять на свидетелей, следствие просит суд выбрать для обвиняемой Лученко* меру пресечения в виде заключения под стражу».

Гособвинитель соглашается с ходатайством следствия «в полном объеме», и судья передает слово адвокату Лученко — Катерине Тертухиной.

Адвокат Тертухина: «Считаю ходатайство следователя не подлежащим удовлетворению по следующим основаниям: оно содержит голословные заявления, что моя подзащитная Ксения Лученко может скрыться от следствия и уничтожит доказательства по делу. По материалам дела видно, что моя

подзащитная покинула РФ 7 апреля 2022 года, еще задолго до публикации того материала, который ей инкриминируют, еще задолго до объявления ее в розыск и до возбуждения уголовного дела. Поэтому как минимум она точно не может целенаправленно скрываться от органов предварительного следствиями — этот тезис уж не соответствует обстоятельствам. Более того, в материалах дела отсутствуют какие-либо документы, свидетельствующие о том, что она продолжит скрываться и каким-то способом воспрепятствует производству следствия по уголовному делу. В деле отсутствуют какие-то свидетели, которые заявляли бы об угрозах с ее стороны, отсутствуют какие-либо документы, подтверждающие сокрытие доказательств от органов предварительного следствия... Прошу в ходатайстве об избрании меры пресечения в виде ареста отказать».

Заседание продлилось не больше часа. Судья Веретенников вынес постановление об аресте журналистки Ксении Лученко» на два месяца.

Ксения Лученко, которая за несколько дней до заочного ареста стала лауреатом премии «Просветитель» за книгу «Благими намерениями. Русская Церковь и власть от Горбачева до Путина», написала в социальной сети Facebook***: «Сначала намечались торжества, потом аресты, потом решили совместить — коротко о моей жизни».

«В зале присутствуют вольные слушатели...»

- 3 декабря 2025 года. Мировой участок Таганского районного суда № 371
- Судья: Анна Мажаровна Логуа
- Прокурор: Олег Амельчаков

Прения сторон по «делу Григория Чхартишвили*» о «нарушении закона об иностранных агентах»

Уголовные дела в отношении «иностранцев», «уклоняющихся от исполнения обязанностей», предусмотренным законом об «иноагентах», рассматриваются в мировых судах.

Мировой участок Таганского районного суда № 371 показался мне настоящим «царством женщин». Похоже, здесь работают лишь представители слабого пола. Охранница, проверяющая паспорт на входе, — милая женщина предпенсионного возраста, судебный пристав — ее ровесница в пятнистой форме и в синем берете. Судья — Анна Мажаровна Логуа с легким акцентом, нежно произносит фамилию Чхартишвили и уважительно относится к участникам процесса. Интересно, в курсе ли она, что судит всемирно известного писателя, публикующего свои книги и «крамольные» посты под псевдонимом Борис Акунин?

Борис Акунин. Фото: Ирина Бужор / Коммерсантъ

Адвокат по назначению — чуть испуганная женщина средних лет — отказалась называть свою фамилию. Она призналась, что не является публичной фигурой и не хочет, чтобы журналисты о ней упоминали. Единственным мужчиной в этом суде оказался молодой прокурор Олег Амельчаков, заместитель Таганского межрайонного прокурора города Москвы, который был направлен в это «царство женщин», чтобы провести вполне рутинное дело, но все-таки в отношении видной фигуры. Поэтому на заседание пришли три журналистки из государственных информационных агентств.

В единственном, совсем небольшом зале мирового участка всё как в настоящем суде. Судья Анна Логуа сидит на возвышении — своеобразном судейском троне. Над ее головой два флага — флаг России и флаг Москвы. Когда судья объявляет заседание открытым, секретарь зачитывает фамилии участников

процесса и торжественно объявляет: «В зале присутствуют вольные слушатели». Таким образом она интерпретирует присутствие в зале пятерых журналистов.

Друг напротив друга, как и положено: прокурор и адвокат.

На лавках для слушателей — большие горшки с цветами. Не совсем понятно, если бы Григорий Чхартишвили вдруг «не скрывался от следствия», где бы ему приготовили место? Вероятно, рядом с адвокатом...

Прокурор заявил, что Чхартишвили, находясь в неустановленном месте за пределами РФ, руководствуясь мотивами политической и идеологической ненависти к Российской Федерации, с 14 февраля 2025 года по 16 августа 2025 года разместил в подконтрольном ему телеграм-канале «Я, Борис Акунин» 76 текстов и материалов без маркировки «иностранный агент». Его телеграм-канал насчитывает более 56 тысяч подписчиков. Эта информация подтверждена свидетельницей — сотрудницей Роскомнадзора. Гособвинение считает, что нет оснований для постановления приговора без отбывания наказания. Далее прокурор Амельчаков вспомнил о том, что Чхартишвили был приговорен Вторым Западным окружным военным судом к 14 годам лишения свободы и к штрафу 200 тысяч рублей. Общее наказание, по мнению прокурора, составляет 15 лет лишения свободы и 200 тысяч штрафа.

Адвокат Ахметчина попросила суд «оправдать Григория Шалвовича Чхартишвили, поскольку предварительное следствие было проведено с грубыми нарушениями процессуального закона. «Следствие не предприняло мер для

установления нахождения моего подзащитного, — заявила адвокат. — Считаю, что следственные действия были проведены с нарушением УПК РФ и не могут быть использованы для доказывания вины, не могут быть положены в основу обвинения. Они являются недопустимыми и несостоятельными. Вина Чхартишвили не доказана».

Заседание продлилось около получаса, судья Логуа удалилась в совещательную комнату и через четыре часа зачитала приговор, полностью повторяющий ходатайство гособвинителя: 15 лет заключения, первые четыре года — в тюрьме, а остаток срока — в колонии строгого режима. В приговоре судья не упомянула, что первый срок, к которому военный суд приговорил писателя — 14 лет колонии строгого режима, еще не вступил в силу, апелляции не было.

Григорий Чхартишвили, он же Борис Акунин, отреагировал в социальных сетях сначала на первый приговор в военном суде, а потом и на решение судьи Логуа: «Недавно военный суд приговорил меня за терроризм и что-то там еще к 14 годам заключения. Заочно. Странно конечно, но окей. Когда заочно — это нестрашно. Даже приятно. Подумываю, не устроить ли где-нибудь в Европе колонию-поселение для таких же заочно посаженных, очень уж хороший контингент подбирается: писатели, журналисты, деятели культуры.../... Пока я фланирую по Лондону, на родине мне добавили срок. Было четырнадцать лет тюрьмы да строгого режима, стало пятнадцать. Теперь мне сидеть до восьмидесяти четырех, потому что условно-досрочного при моем поведении я у них точно не заслужу. Ничего. Я всё приму — ссылку, каторгу, тюрьму. Но желательно в Европе и, конечно, на дому...»

«Дежурный понятой...»

- **14 ноября 2025 года. «Дело об оправдании терроризма» в отношении Леонида Гозмана**

- **Второй Западный окружной военный суд**
- **Судья: Владимир Краснов**
- **Адвокат: Ирина Гусева**
- **Прокуроры: Светлана Тарасова, Ольга Алаева**

Судебный процесс по «делу об оправдании терроризма» в отношении политика Леонида Гозмана должен был начаться 11 ноября во Втором Западном окружном военном суде, в том самом, где в прошлом году судили спектакль «Финист Ясный Сокол» и его создателей: режиссерку Женю Беркович и драматурга Светлану Петрийчук. Для заочного процесса два часа не могли найти свободный зал. А когда зал нашли, выяснилось, что прокурор, представляющий гособвинение, в суд не явился. Уже ближе к вечеру, когда заседание началось, не явились свидетели.

В результате процесс перенесли на 14 ноября, и как в самом начале объявил судья Владимир Краснов, «произошла замена гособвинителей». Вместо одного прокурора гособвинение стали представлять две прокурорши.

Леонид Гозман. Фото: Сергей Савостьянов / ТАСС

Судья поинтересовался, прибыли ли свидетели, в обвинительном заключении значатся аж пять свидетелей обвинения и, понятное дело, ни одного свидетеля защиты. Секретарь доложил, что в суд прибыл только один свидетель, два находятся за территорией Московской области, а один из свидетелей только что вызвал врача, обещал отзвониться и прислать больничный.

Для дачи показаний вызвали единственного прибывшего свидетеля — Алексея Кулакова, сотрудника службы безопасности московского метрополитена. Он рассказал суду удивительную историю, как однажды, проходя рядом с Петровкой, 38, был остановлен сотрудником полиции, пригласившим его стать понятым. И вот Алексей Кулаков уже в кабинете следователя и осматривает видео и скриншоты интервью Леонида Гозмана изданию Bild. Понятой Кулаков запомнил, что в интервью речь шла про атаки украинских беспилотников и про взрыв Крымского моста. Отвечая на

вопросы прокуроров, свидетель заявил, что ему не понравилась позиция Леонида Яковлевича Гозмана, одобрявшего «этот теракт».

Адвокат поинтересовалась у Кулакова, принимал ли он участие в первом деле против Гозмана, когда в Гагаринском суде того обвиняли по статье о «фейках в отношении российских вооруженных сил». Прежде чем свидетель успел ответить, судья Владимир Краснов отвел вопрос защитницы, заявив, что это не имеет отношения к рассматриваемому делу.

После допроса понятого прокурорши заявили, что доказательств достаточно и они не видят смысла в вызове остальных свидетелей.

Суд плавно перешел к прениям. Сначала выступали гособвинители, они напомнили суть интервью Гозмана изданию Bild и то, что ранее он был осужден Гагаринским судом на восемь с половиной лет за «фейки». «Единственным смягчающим обстоятельством является преклонный возраст Гозмана (75 лет), — заявила прокурор Светлана Тарасова и попросила суд осудить политика за оправдание терроризма на 6 лет лишения свободы, а по совокупности двух приговоров назначить ему наказание 11 лет колонии.

Судья предоставил слово адвокату.

Адвокат Ирина Гусева: «Каждый обвиняемый считается невиновным, пока его виновность не будет доказана. Считаю, что на суде не было представлено допустимых доказательств, свидетельствующих о вине моего подзащитного. Вина Гозмана в «совершении оправдания терроризма» не доказана надлежащим образом. Из содержания доказательств, рассмотренных в суде, невозможно установить ни время, ни место, ни мотив преступления. Показания свидетеля Кулакова не доказывают вину обвиняемого. Он уже принимал участие

как свидетель по первому делу Гозмана. Его показания являются необъективными. Сам факт его приглашения свидетелем в это дело свидетельствует о том, что он заинтересован в обвинении Гозмана.

Экспертиза была проведена двумя экспертами — лингвистом и психологом на основании постановления о проведении судебной психолого-лингвистической экспертизы. Непонятно, какую часть экспертизы подписал какой из экспертов. Экспертиза составлена с нарушением закона. Приговор не может быть основан на предположениях. Не установлено событие преступления. Допустимых доказательств исследовано не было. Защита просит оправдать Гозмана».

Судья Краснов приговорил Леонида Гозмана к десяти годам колонии общего режима.

По делам о «фейках в отношении российской армии», об «оправдании терроризма» «царицей доказательств» всегда является судебная экспертиза. Именно на ней суды основывают приговор. Как видно из перечисленных примеров, свидетели обвинения в таких процессах — чисто «технические». Это, как правило, понятые, переходящие из одного суда в другой, или «активные пользователи социальных сетей», которые находят в интернете «криминальные посты», заявляют о них в полицию или в СК, и на основании этих заявлений или на основании мониторинга интернета возбуждаются уголовные дела.

Заочный суд как «показательная порка»

Из-за того, что на заочных судах нет подсудимых, не слышно их голоса, обнажается абсурдность и суть этих воистину кафкианских процессов. По всем политическим статьям людей судят за слова, за мнение. И за слова, и за выражение мнения дают реальные сроки лишения свободы. Понятно, что фигурантам заочных процессов практически не грозит

оказаться за решеткой. О том, что им вынесли приговор, эти люди узнают, находясь в безопасности. Их могут взять под стражу, только если они пересекут границу Российской Федерации или если их экстрадируют в Россию из другой страны. Это такая «показательная порка», чтобы максимально осложнить им жизнь.

Прежде чем возбудить дело в заочном порядке, обвиняемый объявляется в федеральный и международный розыск, посылаются запросы в Интерпол. Эксперты говорят, что

в отношении так называемых «политических статей», по которым сейчас преследуют российских активистов и журналистов, Интерполом принято решение не помогать России в их поиске и дальнейшей выдаче, потому что в Интерполе считают эти статьи политически мотивированными.

Согласно международным соглашениям, экстрадировать обвиняемого россиянина из другой страны могут только в том случае, если вменяемая ему на родине статья записана в уголовном кодексе той страны, где он в данный момент находится. Впрочем, помимо федерального и международного розыска существует и межгосударственный розыск, который действует на основании Договора государств-участников СНГ. Вопросы экстрадиции между Россией, Азербайджаном, Арменией, Беларусью, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Молдовой, Туркменистаном и Узбекистаном регулируются Конвенцией о правовой помощи, подписанной в Кишиневе в 2002 году. В ней тоже написано, что политических активистов выдавать нельзя, но на практике это не всегда так

работает. Поэтому эксперты не советуют заочно обвиняемым и осужденным оказываться в этих странах.

А также лучше не посещать страны, которые не входят в список так называемых «недружественных стран». В их числе, например, Турция, Индонезия, Таиланд, возможно, Сербия, Венгрия и Грузия.

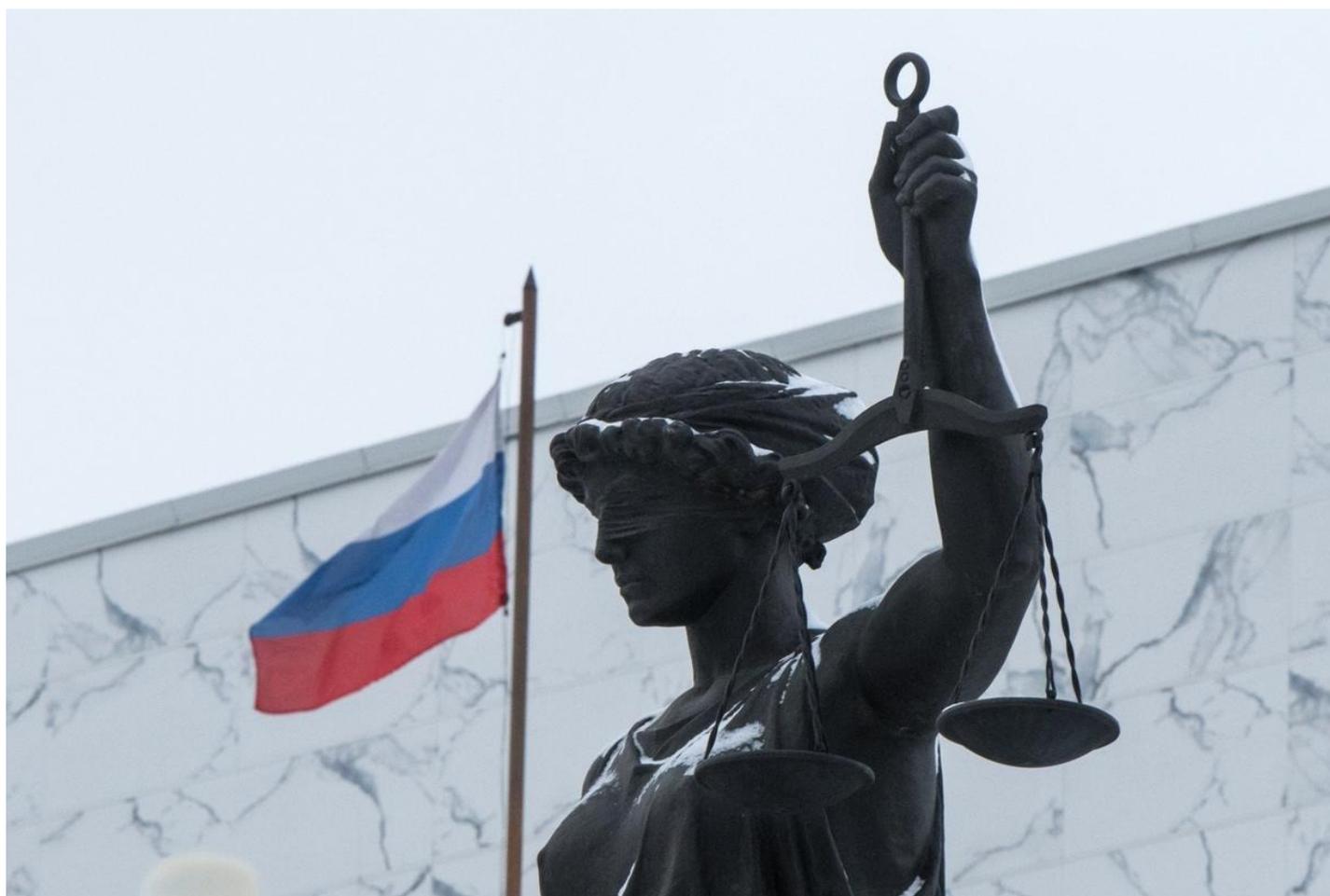

Фото: Александр Манзюк / ТАСС

Все возрастающее распространение заочного судопроизводства в России вызывает вопросы у юристов, которые не понимают, почему после неявки и ненахождения обвиняемого его дело передают в суд. Ведь вполне можно было дело «приостановить в связи с нерозыском обвиняемого...»

«Раньше логика у правоохранителей была такая: пока человек бежит, вроде он невиновный, и статус у него непонятно какой, — объясняет адвокат Константин Ривкин. — Вот придумали

такую «мульку», чтобы можно было сказать: «В России этот человек осужден судом». А ведь на Западе авторитет суда велик, и в том случае, если говорят, что человека осудили, это совсем другое дело, чем если в отношении него дело приостановлено. Ведь в полноценном процессе, в присутствии адвоката был вынесен обвинительный приговор. Совсем другое дело получается, этот человек признан преступником».

Адвокат Евгений Смирнов уверен, что власть намеренно осложняет жизнь россиянам, уехавшим за границу: «Заочное осуждение удобно для властей, оно осложняет жизнь преследуемым».

Зачастую обвинение запрашивает штраф в виде наказания или конфискацию имущества, а вступивший в законную силу приговор суда позволяет обратить в доход государства это имущество. Справка о судимости может усложнить легализацию в других странах. Вступивший в силу приговор суда увеличивает риски экстрадиции».

Все новые и новые запреты, которые депутаты придумывают для уехавших из России, вызывают подозрение, что «безумный принтер» не остановится, пока окончательно не лишит этих новых «врагов народа» всего, что у них осталось на родине.

Перед уходом на зимние каникулы Госдума собирается внести целый пакет законопроектов, которые призваны запретить заочно осужденным россиянам обращаться за консульскими услугами для оформления доверенностей, аннулировать водительские права, приостановить регистрацию прав на недвижимость и ввести другие подобные ограничения их прав.

Конституционный суд зовет на родину

Прежде чем пойти на заочные суды, я познакомилась с мнением экспертов об этом типе судопроизводства, и оказалось, что в абсолютно большинстве случаев и следствие, и суд отказывают и адвокатам, и обвиняемым в их праве участвовать в этих процессах по конференцсвязи, как это часто практикуется с обвиняемыми или свидетелями из СИЗО. И следствие, и суд отказываются приобщать к делу опросы обвиняемых, сделанные их адвокатами за пределами России, а сами следователи для допросов обвиняемых за границу не торопятся. Точку в споре о том, являются ли подобные отказы нарушением буквы и духа судопроизводства, 17 июля 2025 года поставил Конституционный суд России.

Судьи не приняли к рассмотрению жалобу гражданина, который обвинялся в мошенничестве и организации преступного сообщества, был объявлен в розыск и заочно заключен под стражу. Он уехал из России задолго до возбуждения уголовного дела и от следствия не скрывался. Он просил разрешить ему дать показания посредством ВККС и приобщить к делу опрос, сделанный его защитником на территории Израиля. Конституционный суд предложил ему очно участвовать в суде, то есть вернуться в Россию.

И тут больше нечего добавить... Что называется, занавес...

P.S. Когда я решила написать о заочном суде, я думала, что получится очень личный текст, потому что в одном из районных московских судов должны были судить моего сына — журналиста Тихона Дзядко* и его жену — мою невестку, журналистку Екатерину Котрикадзе*. Я уже представляла, как приду на заседания судов, буду смотреть на пустые клетки для подсудимых, слушать судей, прокуроров и это станет каким-то очень важным

для меня переживанием. Я помню, как почти пятьдесят лет назад, в другой стране, которая называлась Советский Союз, в Мосгорсуде за антисоветские взгляды судили моих родителей. Каждый из них тогда провел по году в тюрьме и их приговорили к пяти годам ссылки на Горном Алтае. Освободились они раньше срока благодаря горбачевскому помилованию. В российском законодательстве нет такого наказания, как ссылка. Да и сроки за антироссийские взгляды и высказывания дают в разы более жестокие, чем тогда давали диссидентам. Одно утешение: хотя мой сын и моя невестка наверняка будут осуждены заочно, я надеюсь, что в судебной клетке я их не увижу. А вот сам институт заочного судопроизводства — это не суд, а судилище, где обвинительный уклон, возведен в абсолют. И исключений не может быть по определению...

*Минюст РФ включил в реестр «иностранных агентов».

** Власти РФ внесли в реестр «иноагентов» и объявили нежелательной организацией, деятельность которой в России запрещена.

*** Принадлежит корпорации Meta, которая признана экстремистской и запрещена на территории РФ.